

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Джанни Родари

Приключения Чиполлино

[...Ранее](#)

продолжение

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

о том, как барон погубил двадцать генералов, сам того не желая

Первая часть стратегического плана состояла в следующем: собака сыщика, пользуясь естественной дружбой, связывавшей ее с графским псом Мастино, должна была уговорить его открыть ворота парка. Отсюда в парк должен был проникнуть кавалерийский эскадрон под командой синьора Петрушки. Однако эта часть плана рухнула, потому что ворота парка не были заперты. Напротив, они оказались распахнутыми настежь. У ворот стоял навятяжку Мастино и отдавал честь хвостом. Собака сыщика в испуге вернулась обратно и сообщила об этом странном обстоятельстве.

– Здесь–то и зарыта собака, – сказал мистер Моркоу, употребляя выражение, весьма распространенное у иностранных военных советников.

– Факт, факт! Именно здесь она зарыта! – поддержала хозяина собака.

– Что за собака и где она зарыта? – спросил принц.

– Ваше высочество, тут дело не в собаке. Если мятежники оставили ворота открытыми, значит, тут приготовлена для нас ловушка.

– Тогда давайте войдем в парк через заднюю калитку, – предложил принц.

– Но и задняя калитка тоже открыта!

Генералы Лимонной армии серьезно призадумались – вернее, они не знали, что и думать. Самому же принцу эта война стала уже надоедать.

– Она что–то слишком долго длится, – пожаловался он кавалеру Помидору. – Такая затяжная и трудная война! Если бы я предвидел это заранее, я бы ее и не начинал.

Чтобы ускорить дело, принц решил принять личное участие в операциях. Он выстроил своих сорок генералов и скомандовал:

– Смир–р–но!

Сорок генералов так и застыли на месте.

– Вперед, мар–р–ш! Раз–два, раз–два...

Героический отряд вошел в ворота парка и зашагал к замку, который, как вы знаете, находился на вершине небольшого холма. Подъем показался принцу утомительным. Он стал задыхаться, вспотел и решил вернуться обратно, передав командование Лимону первого класса.

– Продолжайте наступать, – сказал он, – а я иду разрабатывать план общего штурма. Благодаря моему личному вмешательству первая линия обороны уже взята. Вам же я поручаю захватить замок.

Лимон первого класса отдал принцу честь и принял командование. Пройдя пять метров, он объявил пятиминутный привал. Отсюда до замка оставалось всего лишь около ста шагов, и командующий уже готовился отдать приказ о последнем натиске, как вдруг послышался страшный грохот, и с вершины холма навстречу генералам устремился какой–то снаряд поистине невиданных размеров.

Все сорок генералов, не ожидая команды Лимона первого класса, разом повернулись спиной и ринулись вниз со всей поспешностью, на какую были способны. Однако они не могли сравняться в скорости с таинственным снарядом, который через несколько секунд обрушился на них, раздавил десятка два генералов, словно спелые сливы, а затем покатился дальше, за ворота. По пути он разметал кавалерию синьора Петрушки, готовившуюся к атаке, и опрокинул карету графинь Вишен. Когда же он остановился, все увидели, что это не магнитная мина и не бочка с динамитом, а попросту несчастный барон Апельсин.

– Дорогой кузен, это вы? – закричала графиня Старшая, вылезая из лежащей на боку кареты.

Графиня была вся в пыли, ее растрепанные волосы развевались по ветру, а лицо было густо вымазано сажей.

– Я не имею чести знать вас, синьора. Я никогда не бывал в Африке, – пробормотал барон.

– Да ведь это, я, графиня Старшая!

– О небо, как же это вам пришло в голову так измазаться?

– Это было сделано по стратегическим соображениям, барон...Но скажите лучше, как это вы обрушились на нас?

– Я прибыл к вам на помощь. Правда, немного странным способом, но у меня не было другого выхода. Я всю ночь выбирался из винного погреба, где меня заперли эти разбойники. Можете себе представить, мне пришлось прогрызть дверь погреба зубами!

– О да, вы способны прогрызть днища полудюжины бочек! – проворчал синьор Помидор, все еще дрожа от страха.

– Выбравшись из погреба, я просто покатился с горы и, кажется, по дороге раздавил целый отряд негров, который, вне всякого сомнения, шел на помощь этим разбойникам, захватившим ваш замок.

Когда графиня Старшая объяснила кузену, что это были вовсе не негры, а сорок лимонных генералов, бедный барон очень огорчился, но в глубине души все–таки был горд своим весом и силой.

Принц Лимон в эту минуту принимал ванну у себя в палатке. Узнав о гибели своих передовых частей, он сначала подумал, что враг предпринял вылазку и неожиданной атакой рассеял его отряд. Когда же его высочеству доложили, что виновником несчастья был его союзник, полный самых благих намерений, принц пришел в ярость.

– У меня нет никаких союзников – я веду свои войны сам за себя и сам по себе! – сказал он с негодованием. И, собрав оставшиеся войска – генералов, солдат и вспомогательный состав, общим счетом тридцать человек, – он произнес речь, которую заключил словами: – Спаси меня, боже, от друзей, а от врагов я уж как–нибудь сам избавлюсь!

Принц Лимон был, в сущности, прав. Друзья у принцев всегда бывают опаснее врагов, и принцам остается только находить утешение в старых, избитых и довольно нескладных пословицах.

Ровно через четверть часа принц Лимон пришел в себя и приказал начать новую атаку. Десять человек бегом помчались вверх на холм, испуская дикие крики, чтобы напугать хотя бы детей и женщин, находившихся среди осажденных. Атакующих встретили очень любезно. Я бы сказал, даже слишком любезно. Чиполлино приспособил пожарные насосы к самым пузатым бочкам винного погреба. Когда Лимончики подошли на расстояние выстрела, Чиполлино приказал:

– Вином – по врагу, пли! (Он должен был бы скомандовать "Огоны!", но ведь в его распоряжении были только насосы – орудия для тушения огня, а не для разжигания его.)

Осаждающих окатили мощными потоками ароматной, опьяняющей красной жидкости. Вино заливало им глаза, попадало в рот, в нос и уши. Лимончики неминуемо захлебнулись бы или опьянели бы до бесчувствия, если бы вовремя не отступили. Кто бегом, кто ползком, пустились они в обратный путь, преследуемые струями из насосов.

Когда они добрались до подножия холма, то, к великому возмущению обеих графинь, среди них не оказалось ни одного трезвого

Лимончика. Можете себе вообразить, как разгневался принц Лимон:

– Позор! Вас нужно всех отколотить палками! Разве можно пить красное вино натошак? Так порядочные люди не поступают. Видите, вот еще десять человек вышло из строя!

И в самом деле, десять воинов из армии принца один за другим улеглись у ног его высочества и разом, как по команде, захрапели.

Положение становилось с каждой минутой все тревожнее и опаснее. Синьор Помидор рвал на себе волосы и умолял мистера Моркоу:

– Да посоветуйте же что–нибудь! Ведь вы же иностранный военный советник, черт вас побери!

А в замке, как вы сами понимаете, царило в это время ликование. Добрая половина врагов была выведена из строя. Скоро, скоро белый флаг взвьется там, внизу, между двумя красными столбами ворот!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чиполлино знакомится с пауком–почтальоном

Нет, я не буду обманывать вас: не взвился белый флаг между столбами ворот. Вместо этого на поле боя прибыла целая дивизия Лимончиков, спешно присланная из столицы, и нашим друзьям осталось либо сдаться, либо бежать. Чиполлино попытался бежать через погреб, но подземный ход, который вел в лес, был захвачен войсками принца. Кто же открыл Лимончикам потайной ход, о существовании которого они и не подозревали? Этого я тоже от вас не скрою: предателем оказался синьор Горошек. Когда дела у Чиполлино и его компании

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

приняли дурной оборот, адвокат сразу же перешел на сторону врагов, боясь, как бы его не повесили во второй раз.

Синьор Помидор так обрадовался, захватив Чиполлино, что отпустил всех остальных пленников по домам. Только Вишенку в наказание заперли на чердаке. А Чиполлино отправили в тюрьму в сопровождении целой роты Лимончиков и засадили в подземную камеру. Два раза в день тюремщик Лимонишка приносил ему похлебку из хлеба и воды в щербатой миске. Чиполлино съедал похлебку не глядя – во-первых, потому, что был очень голоден, а во-вторых, потому, что в его камере никогда не было света. Все остальное время Чиполлино лежал на койке и думал: "Только бы увидеться с отцом! Или хоть, по крайней мере, дать ему знать, что я тоже тут, в одной с ним тюрьме". Днем и ночью патруль Лимончиков ходил мимо двери камеры, громко стуча каблуками.

– Подбейте, по крайней мере, каблуки резиной! – кричал Чиполлино, которому эти шаги не давали спать.

Но тюремщики не оборачивались на его крик. Через неделю за ним пришли.

– Куда вы меня ведете? – спросил Чиполлино.

Он решил, что его тащат на виселицу. Но его всего–навсего вывели во двор на прогулку. Направляясь к дверям по длинному тюремному коридору, Чиполлино сердился на свои ноги, которые отвыкли ходить, на глаза, которые отвыкли от света и слезились.

Двор был круглый. Заключенные, одетые в одинаковую арестантскую одежду, с черными и белыми полосами, гуськом ходили один за другим по кругу, Говорить было строжайше запрещено. В центре круга стоял Лимонишка и выбивал дробь на барабане:

– Раз–два, раз–два...

Чиполлино вступил в круг. Впереди него шагал старый арестант со сгорбленной спиной и седыми волосами. Время от времени он глухо кашлял, и его плечи судорожно вздрагивали. "Бедный старик, – подумал Чиполлино. – Если бы он не был так стар, он был бы похож на моего отца!" Пройдя еще немного, старик так закашлялся, что принужден был выйти из строя и прислониться к стене, чтобы не упасть. Чиполлино бросился к нему на помощь и тут только увидел его лицо, изборожденное глубокими морщинами. Заключенный посмотрел на мальчика потухшими глазами и вдруг схватил его за плечи:

– Чиполлино, мой мальчик!

– Отец! Как же ты постарел!..

Отец и сын, плача, обнялись.

– Не плачь, милый, – бормотал старик. – Будь молодцом, Чиполлино!

– Я не плачу, отец. Мне только больно видеть тебя таким слабым и больным. А я–то обещал освободить тебя!

– Не горюй, придут и для нас счастливые дни.

В эту минуту Лимонишка, отбивавший дробь, сильно стукнул по своему барабану:

– Эй вы, двое! Разве не видите, что вы мне сбили весь строй? Марш вперед!

Старый Чиполлоне поспешно оторвался от сына и занял свое место в цепочке арестантов, шагавших по двору. Они еще два раза обошли двор, а затем в том же порядке двинулись обратно в коридор, ведущий в камеры.

– Я пришлю тебе весточку, – прошептал на прощание старый Чиполлоне.

– Но каким образом?

– Увидишь. Бодрись, Чиполлино!

– Будь здоров, отец!

Старик скрылся в своей камере. Камера Чиполлино была двумя этажами ниже, в подzemелье. Теперь, когда Чиполлино повидался наконец с отцом, камера уже не казалась ему такой темной. В конце концов, немножко света все же проникало сюда через окошечко, выходившее в коридор. Однако света было так мало, что можно было видеть только слегка поблескивавшие штыки Лимончиков, шагавших взад и вперед по коридору.

На следующий день, когда Чиполлино, чтобы убить время, считал, сколько раз промелькнут за окошечком штыки часовых, он вдруг услышал, как его зовет какой–то странный, едва уловимый голосок, идущий неизвестно откуда.

– Кто меня зовет? – спросил он удивленно.

– Посмотри–ка на стенку.

– Смотрю во все глаза, но и стены–то не вижу.

– А я вот здесь, у окошечка.

– А, теперь вижу! Ты паук. Да что ты тут делаешь? Ведь здесь и мух–то нет.

– Я паук Хромоног. Моя паутина в камере верхнего этажа. Когда я хочу есть, то заглядываю в свои сети и всегда нахожу там что–нибудь съедобное.

Какой–то Лимонишка грубо стукнул в дверь:

– Эй, замолчи! С кем ты там разговариваешь?

– Я читаю молитвы, которым меня научила моя мать, – ответил Чиполлино.

– Молись потише, – приказал тюремщик. – Ты нас с ноги сбиваешь!

Лимончики были такие тупицы, что при малейшем шуме не могли идти в ногу. Паук Хромоног спустился пониже и прошептал своим тонким, как паутинка, голоском:

– Я принес тебе письмецо от отца.

И действительно, он опустил опутанную паутиной записочку. Чиполлино схватил ее и сейчас же прочел. В записочке говорилось: "Дорогой Чиполлино, я знаю все твои приключения. Не огорчайся, что дела твои идут хуже, чем ты ожидал. На твоём месте я вел бы себя так же, как ты. Конечно, сидеть в тюрьме очень неприятно, но я полагаю, что здесь ты многому научишься и у тебя будет время поразмыслить о том, что ты видел и пережил. Тот, кто принесет тебе это письмо, – наш тюремный почтальон. Доверься ему во всем и пошли мне через него весточку. Горячо обнимаю тебя. Твой отец Чиполлоне".

– Прочел до конца? – спросил Хромоног.

– Да, прочел.

– Ладно. Теперь положи письмецо в рот, разжуй и проглоти. Стража не должна его видеть.

– Сделано, – сказал Чиполлино, разжевывая записку.

– А пока, – сказал Хромоног, – до свидания.

– Куда ты идешь?

– Почту разносить.

Тут только Чиполлино разглядел, что у паука висит на шее сплетенная из паутинок сумка – вроде той, какую носят почтальоны. Сумка была полна записочек.

– Ты разносишь эти письма по камерам?

– Уже пять лет, как я этим занимаюсь: каждое утро обхожу камеры и собираю письма, а потом их разношу. Охрана еще ни разу меня не поймала и не нашла ни одной записочки. Таким образом заключенные могут поддерживать связь друг с другом, не боясь, что их письма перехватят.

– А откуда они берут бумагу?

– Они пишут вовсе не на бумаге, а на обрывках рубашек.

– Теперь я понимаю, почему у этой записочки был такой странный вкус, – сказал Чиполлино.

– А чернила, – продолжал паук, – делаются из арестантской похлебки с примесью толченого кирпича.

– А кирпич откуда?

– Да ведь стены–то в тюрьме кирпичные!

– Понятно, – сказал Чиполлино. – Заходи, пожалуйста, завтра в мою камеру. Я тебе дам письмецо.

– Обязательно зайду, – обещал почтальон и отправился своим путем, чуть–чуть прихрамывая.

– Ты что, ушиб ногу? – спросил Чиполлино.

– Да нет, это ревматизм. Понимаешь ли, мне вредно жить в сырости. Я уже старик, мне бы нужно переселиться в деревню. Там у меня есть брат, который живет на кукурузном поле. Каждое утро он раскидывает меж стеблей свою паутину и целый день наслаждается солнцем и чистым воздухом. Он много раз приглашал меня к себе, но ведь я не могу бросить свою работу. Когда берешься за что–нибудь, так уж надо выполнять дело до конца. А кроме того, у меня свои счета с принцем Лимоном. Его придворный лакей убил моего отца: прихлопнул бедного старика на кухне. Там на стенке до сих пор еще осталось чуть заметное пятнышко. Иногда я захожу поглядеть на этот памятный мне след и говорю себе: "Когда–нибудь и принца Лимона прихлопнут, да так, что даже и следа не останется". Правильно я говорю?

– Никогда я еще не видел такого благородного паука! – с восхищением сказал Чиполлино.

– Каждый делает что может, – скромно ответил маленький почтальон.

Прихрамывая, он добрался до окошка и пролез в коридор под самым носом у какого–то Лимонишки, который в эту минуту заглянул в "глазок", чтобы удостовериться, все ли в порядке. Выбравшись из камеры, Хромоног спустился по паутинке и отправился дальше по своим

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

делам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Чиполлино теряет всякую надежду

В тот же день Чиполлино оторвал клочок от своей рубашки и разделил его на несколько кусков. "Вот и почтовая бумага, – подумал он с удовлетворением. – Теперь подождем, пока принесут чернила".

Когда Лимонишка принес ему похлебку на ужин, Чиполлино не стал ее есть. Ложкой он наскреб со стены немного кирпича, насыпал его в воду и хорошенько размешал, а затем черенком той же ложки написал несколько писем. "Дорогой отец! – говорилось в первом письме. – Ты помнишь, что я тебе обещал? Так вот, эта минута приближается. Я все хорошо обдумал. Целую тебя. Твой сын Чиполлино".

В письме, адресованном Кроту, говорилось: "Милый старый Крот, не думай, что я тебя забыл. В неволе мне делать нечего, и я все время думаю о старых друзьях. Я думал, думал и придумал, что ты, наверно, можешь помочь мне и моему отцу. Я знаю, что это нелегко. Но если тебе удастся собрать сотню кротов, то общими усилиями вы преодолеете все трудности. Жду твоего скорого ответа, то есть жду тебя в своей камере. Итак, до свидания. Твой старый друг Чиполлино". Постскриптом: "Здесь у тебя глаза не заболят. В моем подземелье темнее, чем в чернильнице".

Третье письмо гласило: "Дорогой Вишенка! Я о тебе ничего не знаю, но уверен, что тыне приуныл после нашей неудачи. Даю тебе слово, что скоро мы рассчитаемся с кавалером Помидором сполна. Здесь я подумал о многом, о чем не было времени думать на воле. Жду твоей помощи. Посылаю тебе письмо для Крота. Положи его в условленном месте. Скоро напишу еще. Привет всем. Чиполлино".

Он запрятал письма под подушку, вылил оставшиеся чернила в ямку под кроватью, отдал пустую миску Лимонишке и лег спать.

На следующее утро тот же почтальон принес ему новое письмо от отца. Старый Чиполлоне писал, что он будет очень рад весточкам от сына, но советует ему расчетливо тратить свою рубашку. Чиполлино оторвал почти половину рубашки, разостлал ее на земле, окунул палец в чернила и начал писать.

– Что ты делаешь! – остановил его почтальон. – Если ты будешь тратить на каждое письмо такой большой лист, то через неделю тебе не на чем будет писать.

– Не беспокойся, – ответил Чиполлино, – через неделю меня уже здесь не будет!

– Сынок, боюсь, что ты заблуждаешься!

– Возможно. Но вместо того чтобы делать мне замечания, не можешь ли ты протянуть мне руку помощи?

– Все восемь моих ног в твоем распоряжении. Что ты задумал?

– Я хочу нарисовать план тюрьмы, точно отметить на нем все этажи, наружную стену, двор и прочее.

– Ну, это нетрудно: я знаю в тюрьме каждый квадратный сантиметр.

С помощью паука Хромонога Чиполлино начертил план тюрьмы и крестиком отметил двор.

– Почему ты здесь поставил крестик? – спросил паук.

– Это я тебе объясню в другой раз, – ответил Чиполлино уклончиво. – А пока я дам тебе три письма: одно из них – к отцу, а вот эти два письма и план надо отнести моему другу.

– За тюремные ворота?

– Да. Молодому графу Вишенке.

– А далеко он живет?

– В графском замке, на холме.

– Ах, я знаю, где это! Мой двоюродный брат служит на чердаке в этом замке. Он много раз приглашал меня к себе, но у меня все не было свободного времени. А говорят, что там очень красиво. Что ж, я, пожалуй, отправлюсь туда, но кто же будет разносить за меня почту?

– На дорогу туда и обратно у тебя уйдет только два дня, хоть ты и хромаешь на одну ногу. Я полагаю, что два дня можно обойтись и без писем.

– Я бы не стал отлучаться и на один день, – сказал усердный почтальон, – но если эти письма надо доставить срочно...

– Очень срочно! – перебил его Чиполлино. – Речь идет о чрезвычайно важном деле, от которого зависит освобождение заключенных.

– Всех заключенных?

– Да, всех, – сказал Чиполлино.

– В таком случае, я отправлюсь в путь, как только разнесу сегодняшнюю почту.

– Мой дорогой друг, я не знаю, как и отблагодарить тебя!

– Я делаю это не ради благодарности, – ответил хромой почтальон. – Если тюрьма опустеет, я смогу наконец поселиться в деревне.

Он положил письма в сумку, надел ее на шею и, хромая, отправился к окошечку.

– До свидания, – прошептал Чиполлино, провожая взглядом почтальона, который на этот раз вскарабкался на потолок для большей безопасности. – Счастливого пути!

С того мгновения, как паук исчез за окошком, Чиполлино стал считать часы и минуты. Время тянулось очень медленно: час, два, три, четыре... Когда миновали сутки, Чиполлино подумал: "Сейчас он уже где-то поблизости от замка. Только найдет ли он дорогу? Ну конечно, найдет. В окрестностях замка много пауков, и если они узнают, что он приходится двоюродным братом известному пауку с графского чердака, кто-нибудь его и проводит". И Чиполлино представил себе, как старый, седой паучок, прихрамывая, карабкается на чердак, как он узнает у своего двоюродного брата, где комната Вишенки, а потом спускается вниз по стене к постели мальчика и, тихонько разбудив его, передает письма.

Чиполлино места себе не находил. С часу на час, с минуты на минуту ожидал он возвращения почтальона. Но прошел второй, третий день, а Хромоног все еще не показывался. Заключенные были очень встревожены отсутствием писем. Перед уходом почтальон никому из них не сообщил о своем тайном поручении, а сказал, что берет на два дня отпуск. Почему же он не возвращается? Уж не решил ли он навсегда покинуть тюрьму и отправиться в деревню, о чем так давно мечтал? Заключенные не знали, что и подумать. Но больше всех беспокоился Чиполлино. На четвертый день арестантов вывели на прогулку. Чиполлино стал искать глазами отца, но его на дворе не было, и никто не мог сказать, что с ним. Обойдя несколько раз тюремный двор, Чиполлино вернулся в свою камеру и в отчаянии бросился на койку. Он почти утратил всякую надежду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Приключение паука Хромонога и паука Семь с половиной

Что же случилось с пауком-почтальоном? Сейчас я вам все расскажу. Выйдя из тюрьмы, он пошел по улице, держась поближе к тротуару, чтобы его не раздавили телеги, коляски и кареты. Но тут он чуть было не угодил под колесо велосипеда и был бы раздавлен, если бы не успел отскочить в сторону. "Батюшки мои! – подумал он испуганно. – Мое путешествие чуть не кончилось прежде, чем началось".

К счастью, он увидел неподалеку открытый люк и спустился в сточную трубу. Едва он туда залез, кто-то окликнул его по имени. Паук оглянулся и увидел своего дальнего родственника. Родственник этот жил раньше на кухне графского замка. Звали его Семь с половиной, потому что у него было семь с половиной ног: половину восьмой ноги он потерял из-за несчастного случая – после неудачного столкновения с половой щеткой.

Хромоног вежливо поздоровался со старым знакомым, и Семь с половиной пошел с ним рядом, болтая о том о сем, а больше всего – о том, как он потерял половину восьмой ноги. Семь с половиной то и дело останавливался, чтобы рассказать поподробнее о своей роковой встрече со злополучной щеткой, но Хромоног тащил его дальше, не поддаваясь искушению поболтать по душам со своим спутником.

– Куда же ты так спешишь? – спросил наконец Семь с половиной.

– К двоюродному брату, – уклончиво ответил Хромоног. В тюрьме он научился хранить тайны и поэтому умолчал о том, что несет письма от Чиполлино к Вишенке и Кроту.

– К двоюродному брату? – переспросил Семь с половиной.

– К тому, что живет в замке? Он меня давно зовет пожить недельку у него на чердаке. Так знаешь что, я пойду с тобой вместе – сейчас у меня нет никаких срочных дел.

Хромоног не знал, радоваться ли ему компании или нет. Но потом он решил, что вдвоем идти веселее, да к тому же этот неожиданный спутник может оказать ему помощь, если с ним случится какая-нибудь беда.

– Что ж, пойдем, – приветливо ответил он. – Но только не можешь ли ты идти немного быстрее? Дело в том, что у меня есть важное поручение, и я не хотел бы запаздывать.

– Ты все еще служишь почтальоном в тюрьме? – спросил Семь с половиной.

– Нет, я уволился, – ответил Хромоног.

Хотя Семь с половиной был его приятелем и даже еродственником, но о некоторых вещах не следует говорить даже самым закадычным друзьям. Мирно беседуя, они вышли за пределы города и позволили себе наконец вылезти из сточной трубы. Хромоног вздохнул с

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

облегчением, потому что в трубе был такой спертый воздух, что у него кружилась голова. Вскоре оба спутника оказались в поле.

Был чудесный день, ветер слегка шевелил душистую траву. Семь с половиной так жадно разевал рот, будто хотел разом вдохнуть в себя весь воздух.

– Как тут прекрасно! – восклицал он. – Вот уже три года, как я носа не высовывал из моей душной сточной трубы. А теперь, кажется, я ни за что не вернусь обратно. Не поселиться ли мне здесь, в этой тихой и пустынной сельской местности?

– Кажется, местность эта довольно густо заселена, – возразил Хромоног, указывая своему товарищу на длинную вереницу муравьев, которые тащили гусеницу в муравейник.

– Городским синьорам, по-видимому, не нравится наше деревенское общество, – ехидно заметил кузнецик, сидевший на пороге своей норки.

Семь с половиной захотел во что бы то ни стало остановиться и объяснил кузнецнику, что именно думает он о деревенском обществе.

Кузнецик ответил. Семь с половиной возразил. Кузнецик протрещал что-то. Семь с половиной не согласился с ним. В общем, разговор затянулся, а время шло, не останавливаясь ни на минуту. Вокруг спорящих собралось много всякого народа: кузнички, жуки, божьи коровки и на значительном расстоянии – даже несколько отважных мошек. Воробей, который до этого делал вид, будто регулирует уличное движение, обратил внимание на это сборище и подлетел, чтобы рассеять его. Тут он сразу же заметил Семь с половиной.

– Чик-чирик! Недурной кусочек для моих воробышков! – прочирикал он.

Хорошо еще, что какая-то мошка вовремя подняла тревогу:

– Спасайтесь! Спасайтесь! Полиция!

В один миг все жуки, божьи коровки исчезли, словно их поглотила земля. Семь с половиной и Хромоног укрылись в норке кузнецика, который поспешно закрыл входную дверь и стал у порога на страже. Семь с половиной весь дрожал от страха, а Хромоног начал уже раскаиваться в том, что взял с собой такого болтливого спутника, который затеял спор с первым встречным и привлек внимание полиции. "Ну вот, меня уже взяли на заметку, – думал старый почтальон. – Воробей, конечно, записал меня в свою книжечку. А уж раз попадешь в эту книжечку – добра не жди!"

Он повернулся к Семи с половиной и сказал ему:

– Послушай, кум, видишь ли, путешествие наше становится очень опасным. Может быть, нам следует расстаться?

– Ты меня, право, удивляешь! – воскликнул Семь с половиной. – Сначала ты сам уговаривал меня идти с тобой, а теперь хочешь оставить меня в беде. Хороший же ты друг, нечего сказать!

– Да ведь это же ты предложил идти со мной вместе! Ну да ладно, дело не в этом. Я иду в замок с важным поручением и не намерен сидеть в этой норке целый день, хоть я и очень благодарен кузнецнику за его гостеприимство.

– Хорошо, я пойду с тобой, – согласился Семь с половиной. – Я обещал твоему двоюродному брату навестить его и хочу сдержать слово.

– Так пойдем же! – сказал Хромоног.

– Подождите минутку, синьоры: я выгляну за дверь и узнаю, где полиция, – предложил осторожный кузнецик.

Оказалось, что Воробей был все еще на своем посту. Он летал низко над землей и внимательно осматривал траву. Семь с половиной озабоченно вздохнул и сказал, что при таких обстоятельствах он не сделает ни шагу.

– Ну, если так, я пойду один! – решительно заявил Хромоног.

– Что ты, я ни за что не позволю тебе рисковать жизнью! – возмутился Семь с половиной. – Я знал твоего покойного отца и ради его памяти должен помешать тебе идти навстречу верной гибели!

Оставалось сидеть и ждать. А так как Воробей был неугомон и не желал убираться на покой, то весь день прошел в томительном ожидании. Только на закате полиция наконец удалась в свои казармы – на кипарисы у кладбища, – и наши путешественники решились снова пуститься в путь. Хромоног был очень огорчен тем, что потерял целый день.

За ночь они могли бы наверстать потерянное время и уйти довольно далеко, но внезапно Семь с половиной объявил, что он очень устал и хочет отдохнуть.

– Это невозможно, – запротестовал Хромоног. – Совершенно невозможно! Я не могу больше останавливаться в пути.

– Значит, ты хочешь бросить меня на полдороге ночью? Так-то ты обходишься со старым другом твоего отца! Хотел бы я, чтобы этот бедный старик был жив и хорошенько пробрал тебя за бессердечное отношение к родственникам!

Хромоногу пришлось и на этот раз покориться. Путники отыскиали удобное местечко за водосточной трубой какой-то церкви и устроились на отдых. Нет нужды говорить, что Хромоног всю ночь не мог сомкнуть глаза и с яростью смотрел на своего товарища по путешествию, который блаженно похрапывал.

"Если бы не этот трус и болтун, я бы сейчас был уже на месте, а может быть, и на обратном пути!" – думал он.

Едва небо просветлело на востоке, он без лишних проволок разбудил Семь с половиной.

– В путь! – приказал он.

Но ему еще пришлось подождать, пока Семь с половиной приведет себя в порядок. Старый бездельник аккуратно почистил все свои семь с половиной ног и только после этого заявил, что готов двинуться дальше. Утро прошло без особых приключений. Около полудня путники оказались на широкой, гладко утопанной площадке, испещренной множеством непонятных следов.

– Странное место! – сказал Семь с половиной. – Можно подумать, что здесь прошла целая армия.

В конце площадки виднелась низкая постройка, из которой доносились какие-то громкие, тревожные голоса.

– Я не любопытен, – забормотал снова Семь с половиной, – но я бы отдал вторую половину своей восьмой лапки, чтобы узнать, где мы находимся и кто там живет!

Но Хромоног быстро шел вперед, не оглядываясь по сторонам. Он смертельно устал, потому что не спал всю ночь, и у него болела голова от жары. Ему казалось, что он никогда не доберется до замка, словно по мере их пути замок не приближался, а отдалялся. Кто знает, не сбились ли они с дороги: ведь сейчас уже должны были показаться вдали высокие башни замка... Да, конечно, они заблудились в пути. Ведь оба они стары и не носят очков (потому что никто еще никогда не видел паука в очках). Могло случиться, что они прошли мимо замка, не заметив его.

Хромоног был весь погружен в свои печальные размышления, когда маленькая зеленая гусеница стрелой промчалась мимо него с криком:

– Спасайся кто может! Куры!

– Мы пропали! – прошептал в ужасе Семь с половиной, который слышал не раз об этих огромных и прожорливых птицах.

Не помня себя, пустился он бежать, быстро перебирая своими семью длинными и тонкими ногами и припрыгивая на культике восьмой.

Его хромой спутник не был так проворен – во-первых, потому, что был слишком занят своими мыслями, а во-вторых, ему никогда еще не приходилось встречаться с курами и даже слышать о них. Но когда одна из этих незнакомых страшных птиц занесла над ним свой клюв, у него хватило присутствия духа швырнуть сумку с письмами товарищу и крикнуть ему на прощание:

– Отнеси...

Но у него уже не осталось времени сказать, кому предназначались эти письма. Курица проглотила его в один миг. Бедный хромой почтальон! Ему уже не придется больше разносить почту из камеры в камеру и болтать с заключенными. Никто не увидит больше, как он, ковыляя, карабкается по сырым мрачным стенам тюрьмы... Гибель товарища была спасением для Семи с половиной. Он успел ускользнуть за сетку, которой были огорожены курятник и площадка, и оказался в безопасности прежде, чем курица обернулась в его сторону. После этого он надолго потерял сознание.

Когда Семь с половиной пришел в себя, то никак не мог сообразить, где он находится. Солнце уже заходило – значит, он пролежал в обмороке несколько часов. В двух шагах от себя он увидел страшный профиль курицы, которая все это время не теряла его из виду и тщательно старалась просунуть клюв через дырочки частой проволоочной сетки. Этот ужасный клюв сразу напомнил ему о печальной кончине Хромонога.

Семь с половиной вздохнул об участи погибшего друга и попытался сдвинуться с места. Тут только он обнаружил, что его искалеченная восьмая нога придавлена какой-то тяжестью. Это была почтовая сумка, которую Хромоног бросил ему перед смертью. "Мой храбрый друг завещал мне отнести письма кому-то, – подумал Семь с половиной. – Но кому, куда?.. Не лучше ли бросить эту сумку с письмами в первую же канаву и вернуться в сточную трубу? Там нет ни воробьев, ни кур. Правда, в трубе очень душно, но зато вполне безопасно. Впрочем, пожалуй, я загляну в сумку, но только из любопытства".

Он начал читать письма и не мог удержаться от слез. Ему пришлось смахнуть не одну слезу, чтобы иметь возможность продолжать чтение.

– И он не сказал мне ни слова о своем поручении! А я-то ничего не знал и задерживал его своей болтовней в то время, как ему нужно было так спешить! Нет, нет, теперь мне все ясно: по моей вине погиб Хромоног, и я обязан выполнить его последнюю волю. Пусть мне суждено умереть, зато, по крайней мере, я сделаю что-нибудь, чтобы почтить память верного друга.

Семь с половиной пустился в путь, даже не дав себе времени поспать, и на заре благополучно прибыл в замок. Он легко нашел дорогу на чердак и был радостно встречен своим родственником-пауком. После краткой беседы обо всем, что случилось, оба они передали письма Вишенке, который все еще сидел на чердаке, наказанный за участие в мятеже. Потом паук, проживавший в замке, предложил Семи с

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

половиной провести у него все лето, и старый болтун охотно согласился: обратный путь казался ему слишком страшным.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

в которой рассказывается о Лимонишке, не знавшем арифметики

Однажды утром Лимонишка, который носил Чиполлино похлебку, поставил на землю миску, строго посмотрел на Чиполлино и пробурчал: – Твоему старику плохо. Он очень болен.

Чиполлино хотел узнать об отце побольше, но Лимонишка, уклонившись от разговора, сказал только, что старый Чиполлонетак слаб, что не может выйти из камеры.

– Смотри никому не проболтайся о том, что я тебе сказал! – добавил Лимонишка. – Я могу потерять место, а мне ведь семью кормить надо. Чиполлино обещал молчать. Да и без всякого обещания он не захотел бы подвести этого пожилого семейного человека, одетого в лимонную форму. Ясно было, что он служил тюремщиком только потому, что не мог найти лучшего ремесла, чтобы прокормить своих детей.

В этот день полагалась прогулка. Заключенные вышли во двор и начали ходить по кругу. Лимонишка отбивал такт на барабане:

– Раз–два, раз–два! "Раз–два! – повторял про себя Чиполлино. – Мой почтальон пропал бесследно, словно в воду канул. Десять дней прошло с тех пор, как он ушел, и на возвращение нет никакой надежды. Он никому не передал моих писем, иначе Крот был бы уже здесь. Раз–два!.. Отец болен – значит, и думать сейчас о бегстве нечего. Как унести больного из тюрьмы? Как лечить его? Ведь кто знает, сколько времени придется нам скрываться в лесу или на болоте, без крыши над головой, без врачей и лекарств... Эх, Чиполлино, перестань и думать о свободе и приготовься прожить в тюрьме многие годы, а может быть, и всю жизнь... И остаться тут после смерти", – прибавил он мысленно, поглядев на тюремное кладбище, которое виднелось за окошечком в стене, окружавшей тюремный двор.

В этот день прогулка была еще более унылой, чем обычно. Заключенные в своих полосатых арестантских куртках и штанах брели по двору, сгорбившись. Никто даже не пытался на этот раз обменяться несколькими словами с товарищем, как это бывало обычно. Все мечтали о свободе, но в этот день свобода казалась такой далекой! Дальше, чем солнце, прячущееся за тучами в дождливый день. А тут еще, словно нарочно, начал накрапывать мелкий, холодный дождь, и заключенные, зябко подергивая плечами, продолжали свою прогулку, которая, по тюремным правилам, полагалась в любую погоду.

Вдруг Чиполлино услышал – или, может быть, ему только показалось? – будто его кто–то зовет.

– Чиполлино, – повторил еще более внятно знакомый глухой голос, – задержись немного на следующем кругу.

"Крот, – подумал Чиполлино, и вся кровь бросилась ему в лицо от радости. – Он пришел! Он здесь!" Но только как же быть с отцом, запертым в камере? Чиполлино так спешил поскорее добраться до того места, откуда он услышал голос Крота, что наступил на пятки шедшему впереди арестанту. Тот обернулся и проворчал:

– Ты гляди, куда ноги ставишь!

– Не сердись, – прошептал Чиполлино. – Передай по кругу, что через четверть часа мы все выйдем из тюрьмы.

– Да ты с ума сошел! – изумился заключенный.

– Делай, что я тебе говорю. Передай, чтобы все были наготове. Мы убежим еще до конца прогулки.

Заключенный решил, что если он передаст это, то большой беды не случится. Прежде чем люди успели обойти круг, их походка стала тверже и бодрее. Спины выпрямились. Даже Лимонишка, который бил в барабан, почувствовал это и решил похвалить арестантов.

– Вот и хорошо! – закричал он. – Так, так! Грудь вперед, живот убрать. Плечи назад... Раз–два, раз–два!..

Это уже было похоже не на прогулку заключенных, а на военную маршировку. Когда Чиполлино дошел до того места, откуда его окликнул Крот, он замедлил шаг и прислушался.

– Подземный ход готов, – донеслись до него слова из–под земли. – Тебе нужно только прыгнуть на один шаг влево, и земля провалится у тебя под ногами. Мы оставили сверху только самый тонкий слой...

– Хорошо, но давай подождем до следующего круга, – тихо ответил Чиполлино.

Крот сказал еще что–то, но Чиполлино уже прошел мимо. Он снова наступил на пятки переднему арестанту и шепнул:

– В следующий обход, когда я тебя толкну ногой, сделай шаг влево и подпрыгни. Только посильнее топни при этом!

Заключенный хотел спросить еще что–то, но в этот миг барабанщик посмотрел в их сторону. Нужно было как–нибудь отвлечь его внимание.

По всему кругу быстро пробежал приглушенный шепот, а потом один из заключенных громко вскрикнул:

– Ай!

– Что там случилось? – рявкнул Лимонишка, обернувшись к нему.

– Мне на мозоль наступили! – жалобно ответил арестант.

В то время как Лимонишка угрожающе смотрел в противоположную сторону, Чиполлино приблизился к месту, где был ход в подземную галерею, выкопанную кротами. Он толкнул ногой товарища, шедшего впереди. Тот отскочил влево, подпрыгнул и сейчас же исчез. В земле осталось отверстие, достаточно широкое, чтобы в него мог провалиться человек. Чиполлино пустил по кругу распоряжение:

– С каждым обходом будет исчезать тот, кого я толкну ногой.

Так и пошло. В каждый обход кто–нибудь прыгал влево, в дырку, и пропадал бесследно. Чтобы Лимонишка не заметил этого, кто–нибудь на противоположной стороне круга поднимал крик:

– Ай–ай!

– Что там такое? – спрашивал Лимонишка грозно.

– Мне отдавили мозоль! – слышался один и тот же ответ.

– Сегодня вы только и делаете, что наступаете друг другу на ноги. Будьте повнимательнее!

После пяти–шести кругов Лимонишка стал озабоченно посматривать на кольцо арестантов, ходивших вокруг него. "Странно! – думал он. – Я могу поклясться, что людей стало меньше". Но потом он решил, что это ему только показалось. Куда же они денутся! Ворота заперты, стены высокие.

– И все–таки, – бормотал он, – мне сдается, что их стало меньше.

Желая убедиться, что он ошибся, Лимонишка начал считать арестантов, но так как они ходили по кругу, то он никак не мог запомнить, с кого же он начал, и некоторых сосчитал по два раза. Счет никак не сходился: получалось, что заключенных не убавилось, а прибавилось.

"Как это может быть? Не могут же они делиться на части. Какая глупая штука – арифметика!"

Вы, наверно, уже поняли, что Лимонишка не был силен в этой науке. Он снова начал счет, но число заключенных то уменьшалось, то увеличивалось. Наконец он решил бросить это дело, чтобы не запутаться окончательно. И тут, посмотрев на круг, он в ужасе протер глаза: возможно ли это? Арестантов стало чуть ли не вдвое меньше! Он поднял глаза к небу, пытаясь разглядеть, не улетел ли кто–нибудь из них за облака, и как раз в это самое время еще один человек прыгнул в подземелье и мгновенно исчез. Теперь их осталось всего двадцать восемь. Среди них был и Чиполлино, который не переставал думать о своем отце. Каждый раз, когда какой–нибудь арестант впереди него исчезал под землей, у мальчика сжималось сердце: "Ах, если бы это был мой отец!" Но старый Чиполлоне был заперт в своей камере, – нечего было и думать об его освобождении.

В конце концов Чиполлино решил, что он поможет бежать всем заключенным, а сам останется в тюрьме с отцом. Не нужна была ему свобода, если ею не мог воспользоваться вместе с ним и старый Чиполлоне. Теперь оставалось всего пятнадцать заключенных... десять, девять, восемь, семь... Ошеломленный Лимонишка машинально продолжал бить в барабан. "Какой черт шутит со мной! – думал он тревожно. – С каждым обходом по одному человеку пропадает. Что же мне делать? До окончания прогулки осталось еще семь минут, – правило есть правило. А что, если до конца прогулки они все исчезнут?.. Сколько их там осталось? Один, два, три, четыре, пять, шесть... Да что я говорю: их уже только пятеро!"

Чиполлино был очень огорчен. Он попытался было окликнуть Крота, но не получил ответа. А ему так хотелось объяснить своему доброму другу, почему сам он не может бежать... Как раз в эту минуту Лимонишка опомнился и решил положить конец этому колдовству, из–за которого у него так таинственно исчезли все арестанты. Он завопил:

– Стой! Ни с места!

Чиполлино и еще четверо заключенных остановились и посмотрели друг на друга.

– Скорее бегите, – закричал Чиполлино, – пока Лимонишка не поднял тревогу!

Заключенные не заставили себя просить дважды и один за другим попрыгали в яму. Чиполлино печально посмотрел им вслед, но вдруг почувствовал, что его хватают за ноги. Товарищи угадали, что он решил остаться, и без долгих разговоров затащили его в подземную галерею.

– Не будь дураком, – сказали они. – Если будешь на свободе, ты скорее поможешь своему отцу. Бежим, бежим, пока не поздно!

– Подождите и меня! – неожиданно закричал Лимонишка, который наконец понял, в чем дело. – И я с вами! Не оставляйте меня здесь: ведь принц повесит меня за ваш побег!

– Ладно, возьмем его с собой, – согласился Чиполлино. – Ведь этому Лимонишке мы тоже немного обязаны тем, что нам так легко удалось бежать.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Поторопитесь, – слышался глухой голос за его спиной. – Здесь невыносимо светло, а я совсем не желаю ослепнуть или погибнуть от солнечного удара!

– Мой добрый, старый Крот, – сказал Чиполлино, – подумай сам, разве я могу бежать? Отец болен и заперт в своей камере!

Крот почесал затылок.

– Я знаю, где его камера, – сказал он. – Я хорошо изучил план тюрьмы, который ты мне прислал. Но есть ли у нас время? Тебе нужно было предупредить меня заранее.

Он испустил призывный клич, и в то же мгновение появилось около сотни кротов.

– Ребята, нам нужно вырыть еще один ход – вон до того угла тюрьмы, – сказал старый Крот. – Ну что, выроем?

– Что за вопрос! В четверть часа все будет сделано.

Кроты, не задумываясь, принялись за работу. В несколько минут они добрались до тесной клетки, где находился старый Чиполлоне.

Чиполлино первым проник в камеру. Его отец лежал на койке и бредил. Едва они унесли старика через подземный ход, как в камеру ворвались Лимонишки, которые метались по всей тюрьме в поисках заключенных, не понимая, каким образом они исчезли. Когда наконец тюремщики сообразили, что произошло, они так испугались наказания, которому их неизбежно подвергнет принц Лимон, что все разом побросали оружие и, в свою очередь, ринулись в коридор, вырытый кротами. Выйдя в поле, они попрятались по домам у крестьян, сбросили свою лимонную форму и надели рабочее платье. Говорят, они побросали также и колокольчики, которые были у них на шапках. Давайте–ка соберем эти колокольчики и отдадим ребятишкам – пускай звонят во всю мочь! Ну, а Чиполлино? Что с ним случилось дальше? Старый Крот и Чиполлино, полагая, что бежавшие из тюрьмы Лимонишки гонятся за ними, вырыли для себя другой ход. Вот почему Лимонишки так их и не догнали. Где же они сейчас находятся? Потерпите – узнаете.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Гонки с препятствиями

Принц устроил большой праздник.

– Моим подданным необходимы развлечения, – решил принц Лимон, – тогда им некогда будет думать о своих бедах и нуждах.

Он придумал конные состязания, в которых должны были участвовать все придворные Лимоны первого, второго и третьего классов.

Разумеется, в качестве наездников, а не лошадей. Эти состязания были особенные: лошади должны были тянуть колесницы с тормозами.

Сам принц перед состязаниями осмотрел эти тормоза, чтобы удостовериться, действуют ли они. Они так хорошо действовали, что колеса совсем не вертелись. Поэтому лошадям было во сто раз труднее тянуть колесницу. Когда принц подал сигнал, лошади ударили копытами о землю и напрягли все мускулы, роняя пену с удил. Но колесницы даже не сдвинулись с места. Тогда Лимоны–наездники пустили в ход длинные бичи. Это помогло. Колесницы сдвинулись на несколько сантиметров, и принц Лимон весело захлопал в ладоши. Потом он сам вышел на арену и начал хлестать лошадей одну за другой.

Очевидно, это занятие доставляло ему огромное удовольствие.

– Соболаговолите, ваше высочество, подхлестнуть и моих! – кричали Лимоны, чтобы сделать ему приятное.

Принц Лимон щелкал бичом изо всех сил. Наездники, стоя в колесницах, тоже осыпали лошадей ударами. Каждый удар бича оставлял на спине у лошади длинную белую полосу, но принца это не смущало – он был очень горд придуманной им забавой.

– Любая лошадь способна бежать, если ей ничто не мешает, – говорил он. – А я хочу посмотреть, могут ли они бежать, если их удерживаешь.

У бедных лошадей, обезумевших от боли и напряжения, подгибались ноги. Зрители возмущались, но вынуждены были смотреть на это дикое состязание – или, вернее сказать, истязание, ибо если уж принц решил, что люди должны развлекаться, то их развлекали насильно. Но вдруг принц замер на месте с поднятым бичом и так вытаращил глаза, что они чуть было не выскочили у него из орбит. Ноги у него задрожали, лицо еще больше пожелтело, и волосы под желтой шапочкой стали дыбом, так что золотой колокольчик затрясся и отчаянно задребезжал. Принц увидел, как земля разверзлась у самых его ног. Да, да, разверзлась земля! Сначала появилась трещина, потом другая, потом на арене вырос небольшой бугорок, похожий на тот, какие оставляют кроты на полях. Затем на вершукке бугорка образовалось отверстие. Оно расширилось, из него показалась голова, плечи, и какое–то живое существо быстро вылезло из–под земли, помогая себе локтями и коленями. Это был Чиполлино.

Из норки слышался тревожный голос старого Крота:

– Вернись назад, Чиполлино, мы ошиблись дорогой! Вернись!

Но Чиполлино уже ничего не слышал. Увидев прямо перед собой бледное, покрытое испариной лицо принца, который так и застыл с бичом в руке, словно превратившись в соляной столп, Чиполлино весь затрясся от ярости. Не задумываясь над тем, что он делает, мальчик бросился к правителю и вырвал у него из руки бич. Принц и опомниться не успел, как Чиполлино щелкнул бичом в воздухе, как бы испытывая его, а затем размахнулся и полоснул по спине принца. Правитель был так ошеломлен, что и не подумал уклониться от удара, обрушившегося на него.

– О–о–о! – завопил принц.

Чиполлино опять взмахнул бичом и нанес ему новый удар, посильнее прежнего. Тогда правитель повернулся и бросился наутек. Это было сигналом. Вслед за Чиполлино из–под земли появились и остальные заключенные, бежавшие из тюрьмы. Народ приветствовал их радостными криками. Отцы увидели сыновей, жены узнали мужей. В одно мгновение цепь полицейских была прорвана, толпа хлынула на арену и понесла на руках освобожденных пленников.

Придворные гонщики хотели было умчаться на своих колесницах прочь, но как они ни хлестали коней, колеса не могли сдвинуться с места. Придворных схватили и связали по рукам и ногам. Однако сам принц все же успел вскочить в свою карету, которая не участвовала в гонках и поэтому была без тормозов. Принцу удалось вовремя удрать. Но он не решился укрыться в своем дворце, а помчался в поля, подгоняя лошадей неистовым криком. Послушные лошади понеслись таким галопом, что карета в конце концов опрокинулась, и правитель угодил головой прямо в рыхлую кучу, предназначенную для удобрения полей. "Самое подходящее для него место!" – сказал бы Чиполлино, если бы увидел, что случилось с принцем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Синьор Помидор устанавливает налог на погоду

В то самое время, когда в городе происходили эти события, в зале замка графинь Вишен, который от времени до времени превращался в зал суда, синьор Помидор собрал всех жителей деревни, чтобы объявить им весьма важное решение. Председателем суда, конечно, был все тот же кавалер Помидор, адвокатом – синьор Горошек, а секретарем – синьор Петрушка. Левой рукой он записывал в протокол речи сторон и решения суда, а в правой держал свой клетчатый носовой платок, которым пользовался чуть ли не каждую минуту.

Народ был не на шутку встревожен, потому что всякое заседание судебного трибунала сулило ему одни неприятности. На прошлом заседании трибунал постановил, что не только земля, но и воздух в деревне является собственностью графинь Вишен, и поэтому все, кто дышит, должны платить деньги за аренду воздуха. Раз в месяц кавалер Помидор обходил деревенские дома и заставлял крестьян глубоко дышать в его присутствии. По очереди он измерял у них объем груди после вдоха и выдоха, затем производил подсчет и устанавливал, какая сумма причитается с каждого потребителя воздуха.

Кум Тыква, который, как известно, очень часто вздыхал, платил, конечно, больше всех. Чего же еще потребуют от крестьян владелицы замка? Кавалер Помидор взял слово первым и в глубокой тишине произнес:

– За последнее время доходы замка заметно уменьшились. А ведь вы знаете, что наши бедные графини – вдовы и круглые сироты – живут только доходами с принадлежащей им земли и, кроме себя самих, вынуждены содержать еще и своих родственников, герцога Мандарина и барона Апельсина, чтобы не дать им умереть с голоду...

Мастер Виноградинка украдкой поглядел на барона, который сидел в уголке, скромно опустив глаза, и утолял свой голод жареным зайцем с гарниром из воробышков.

– Нечего оглядываться по сторонам! – сурово прикрикнул синьор Помидор. – Если вы будете вертеть головой, я прикажу очистить помещение!

Мастер Виноградинка поспешил устремить взор на кончики собственных башмаков.

– Благородные графини, наши высокочтимые хозяйки, представили в суд прошение, написанное, как этого требует закон, на гербовой бумаге, дабы добиться признания одного из своих неотъемлемых прав... Адвокат, прочтите документ!

Синьор Горошек встал, откашлялся, набрал в легкие побольше воздуха и начал читать документ медленно и внушительно:

– "Нижеподписавшиеся, графиня Старшая и графиня Младшая из почтенного рода Вишен, утверждают, что, будучи владелицами воздуха в своем имении, они должны быть признаны также и владелицами всех осадков, выпадающих в течение года. Посему они просят суд подтвердить, что каждый житель деревни повинен уплачивать им арендную плату в сумме ста лир за простой дождь, двухсот лир за ливень с громом и молнией, трехсот лир за снег и четырехсот лир за град". Следуют подписи: "Графиня Вишня Старшая. Графиня Вишня Младшая".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Синьор Горошек сел. Председатель спросил:

– Вы говорите, что прошение написано на гербовой бумаге?

– Да, синьор председатель, – ответил синьор Горошек, снова вскакивая на ноги, – на гербовой.

– Подлинность подписей обеих графинь установлена?

– Установлена.

– Прекрасно, – заявил синьор Помидор. – Если прошение написано на гербовой бумаге и подписи действительны, то все ясно. Суд удаляется на совещание.

Кавалер встал, завернулся в черную мантию, которая то и дело сползала у него с плеч, и вышел в соседнюю комнату, чтобы принять решение. Скрипач Груша подтолкнул своего соседа Лука Порей и спросил у него шепотом:

– По-твоему, это справедливо, что мы должны платить за град? Ну, я понимаю еще – за дождик и за снег, которые приносят пользу посевам. Но ведь град и сам по себе большое несчастье, а за него требуют самую большую плату!

Лук Порей не ответил, – он задумчиво поглаживал свои длинные усы. Мастер Виноградинка растерянно шарил в карманах. Он искал шило, чтобы почесать затылок, но вдруг вспомнил, что, прежде чем войти в зал, жители деревни должны были сдать оружие, холодное и огнестрельное. Огнестрельного у них не оказалось, а шило было признано холодным оружием.

В ожидании приговора суда синьор Петрушка не сводил глаз с присутствующих и записывал у себя в книжечке: "Груша шептался. Лук Порей приглаживал усы. Кума Тыквочка ерзала на месте. Кум Тыква глубоко вздохнул два раза". Так записывает на доске имена своих товарищей школьник, которому учительница поручила наблюдать за классом, пока сама она беседует с кем-нибудь в коридоре. В графе "примерных" синьор Петрушка записал: "Герцог М. ведет себя отлично. Барон А. – очень хорошо. Он не встает с места, соблюдает тишину и ест тридцать четвертого воробышка".

"Эх, – думал мастер Виноградинка, почесывая затылок ногтями за неимением шила, – если бы наш Чиполлино был здесь, не было бы всего этого безобразия! С тех пор как Чиполлино в тюрьме, с нами обращаются, как с рабами. Мы не можем пошевелиться без того, чтобы синьор Петрушка не записал нас в свою проклятую книжку".

Дело в том, что все те, кого синьор Петрушка записывал в графу "провинившихся", должны были платить штраф. Мастер Виноградинка почти ежедневно платил штраф, а иной раз и по два штрафа в день. Наконец суд, то есть кавалер Помидор, вернулся в зал заседаний.

– Встать – скомандовал синьор Петрушка, но сам, однако, остался сидеть.

– Внимание! Сейчас я оглашу решение суда, – сказал кавалер. – "Заслушав прошение графинь Вишен, суд постановил: признать, что вышеупомянутые графини имеют право взимать арендную плату за дождь, снег, град, а также за всякую погоду и непогоду, посылаемую небом. Посему суд устанавливает нижеследующее: каждый житель деревни, принадлежащей графиням Вишням, повинен вносить за погоду плату, вдвое превышающую сумму, требуемую графинями...

В зале послышался ропот.

– Молчать! – закричал кавалер Помидор. – Иначе я сейчас же прикажу очистить помещение. Я еще не кончил: "Суд постановил, что вышеупомянутые граждане повинны также вносить арендную плату за росу, иней, туман и другие виды сырости. Постановление входит в силу с нынешнего дня". Все испуганно посмотрели в окно, надеясь увидеть чистое небо. Оказалось, что надвигается черная грозовая туча. В стекло ударило несколько градин.

"Батюшки мои! – подумал мастер Виноградинка, почесывая затылок. – Вот и плати теперь восемьсот лир. Проклятые тучи!" Синьор Помидор также посмотрел в окно, и его красное, широкое лицо засияло от радости.

– Ваша милость, – сказал ему синьор Горошек, – поздравляю вас! Вам везет: барометр падает, будет ливень.

Все посмотрели на адвоката с ненавистью. Синьор Петрушка быстро оглядел присутствующих и записал в книжечку каждого, в чьих глазах можно было прочесть укор. Когда и в самом деле разразилась гроза с громом, молнией, дождем и градом, синьор Горошек весело подмигнул синьору Петрушке, а мастер Виноградинка, едва дыша от бешенства, вынужден был еще пристальнее рассматривать свои ботинки, чтобы снова не подвергнуться штрафу. Жители деревни смотрели на ливень за окном, как на сущее бедствие. Гром казался им страшнее пушечной стрельбы, а молнии словно попадали им в самое сердце.

Синьор Петрушка помусолил чернильный карандаш и начал быстро подсчитывать, сколько заработают на этой божьей милости владелицы замка. Получилась внушительная цифра, а вместе со штрафами – еще более внушительная. Кума Тыквочка расплакалась. Жена Лука Порей последовала ее примеру, припав к плечу своего мужа и вытирая слезы его длинными усами.

Кавалер Помидор страшно обозлился, затопал ногами и выгнал их всех из зала. Крестьяне вышли под дождь, смешанный с градом, и побрели в деревню. Они даже не торопились. Град бил им в лицо, струи дождя пробирались под одежду, но они будто и не чувствовали этого. Когда у тебя большое горе, мелких неприятностей уже не замечаешь. Чтобы попасть в деревню, нужно было перейти через железную дорогу. Крестьяне остановились у шлагбаума, который был закрыт, так как через минуту должен был пройти поезд. Смотреть на поезду шлагбаума всегда интересно. Видишь, как, пыхтя и дымя, подходит огромный черный паровоз с машинистом в будке. В окна вагонов смотрят пассажиры, которые возвращаются с ярмарки, – крестьяне в плащах, их жены, дети... Вот крестьянка с черным платком на голове.

А в последнем вагоне...

– Праведное небо, – воскликнула кума Тыквочка, – посмотри-ка на последний вагон!

– Кажется... – робко произнес кум Тыква, – кажется, там медведи...

Действительно, у окна вагона стояли три медведя и с любопытством осматривали окрестности.

– Невиданное дело! – протянул Лук Порей.

Усы у него взъерошились от удивления. Вдруг один из трех медведей закивал головой и замахал лапой, будто приветствуя людей, которые мокли под дождем у шлагбаума.

– Чего это он зубы скалит? – проворчал мастер Виноградинка. – Ишь ты, медведь и тот позволяет себе издеваться над нами!

Но медведь все еще продолжал кланяться, и когда поезд уже прошел, он высунулся из окошка и так махнул лапой, что чуть не вывалился.

Хорошо, что два других медведя вовремя удержали его и втащили обратно. Наши друзья дошли до станции как раз в ту минуту, когда поезд остановился. Медведи неторопливо вылезли из вагона, и самый старый из трех предъявил контролеру билеты.

– Это, должно быть, медведи-акробаты из цирка, – сказал мастер Виноградинка. – Наверно, представлять будут. Сейчас явится сюда их укротитель – старик с деревянной дудкой.

Укротитель и в самом деле вскоре явился, но оказался не стариком, а мальчиком в зеленом беретике и синих штанах с пестрой заплатой на коленке. Лицо у него было живое, веселое и будто очень знакомое каждому из жителей деревни.

– Чиполлино! – закричал Виноградинка, бросившись к нему.

Да, это действительно был Чиполлино. Перед возвращением в деревню он забежал в зоологический сад и освободил медведей. Сторож на этот раз так крепко спал, что можно было бы увести не только медведей, но и слона, если бы только тот согласился бежать из зоологического сада. Но старый слон не поверил, что пришла свобода, и остался в слоновнике писать свои воспоминания...

Сколько тут было объятий, поцелуев, расспросов и рассказов! И все это под проливным дождем. Ведь когда радуешься, не замечаешь мелких неприятностей, не боишься даже схватить простуду. Скрипач Груша не переставая пожимал лапу молодому медведю.

– Помните, как вы танцевали под мою скрипку? – спрашивал он, весело подмигивая.

Медведь прекрасно помнил это и тотчас же снова пустился в пляс, не дожидаясь музыки. Ребята весело хлопали в ладоши.

Разумеется, Вишенке тут же дали знать о возвращении Чиполлино. Можете себе представить, как горячо они обнялись при встрече!

– Ну, а теперь поговорим о деле, – сказал Чиполлино. – Я должен сообщить вам, что я задумал.

Пока Чиполлино рассказывает друзьям, что он задумал, пойдём да узнаем, как поживает принц Лимон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Гроза, которая никак не может кончиться

Ты продержали принца в навозной куче так долго, потому что в этом убежище он чувствовал себя в большей безопасности, чем в своей столице. "Здесь тихо, тепло и спокойно, – думал он, то и дело отплевываясь. – Я останусь здесь до тех пор, пока моя стража не восстановит в городе порядок." Ведь этот надменный, жестокий, но трусливый принц удрал с арены, не оглядываясь назад, и поэтому не знал, что его стража перешла на сторону народа, его придворные попали в тюрьму и в стране провозглашена свободная республика. Но, когда хлынул дождь и холодные струи проникли в навозную кучу, правитель изменил свое намерение. "Становится сыро, – решил он, – надо поискать местечко посуше!"

Он заворочался, задрогал ногами и в конце концов выбрался из кучи. Тут только он увидел, что находится в двух шагах от замка графинь Вишен. "Ну и дурак же я! – подумал он, протирая глаза, залепленные грязью. – Лежу в этой проклятой навозной куче и не подозреваю, что отсюда рукой подать до графского замка, где так тепло и уютно".

Принц отряхнулся и направился к воротам, но вдруг услышал громкие голоса. Он спрятался за стог сена и пропустил мимо себя какую-то шумную компанию. (Вы знаете, из кого она состояла.) Затем принц поднялся по ступенькам замка и позвонил. Отперла ему дверь

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Земляничка.

– Простите, сударь, хозяйки наши нищим не подают! – сказала девушка и захлопнула дверь перед самым его носом.

Принц забарабанил в дверь кулаками:

– Отвори! Какой я нищий? Я – правитель, принц Лимон!

Земляничка снова приоткрыла дверь и участливо посмотрела на него.

– Бедняжка, – сказала она со вздохом, – ты, видно, от нужды с ума спятил!

– Какая там еще нужда? Я богат, я очень богат!

– Если посмотреть на тебя, так этого ни за что не скажешь, – ответила Земляничка, качая головой.

– Нечего тут разговаривать! Пойди доложи обо мне графиням.

– Что тут происходит? – спросил синьор Петрушка, проходя мимо и ожесточенно сморкаясь в свой клетчатый платок.

– Да вот этот нищий уверяет, будто он принц. Должно быть, сумасшедший.

Синьор Петрушка мгновенно узнал правителя, хотя узнать его было довольно мудрено.

– Я нарочно переоделся, чтобы поближе познакомиться с моим народом, – сказал принц Лимон, желая, видимо, оправдать свой несколько необычный вид.

– Пожалуйста, пожалуйста, ваше высочество, мы так счастливы вас видеть! – воскликнул синьор Петрушка, пытаясь поцеловать грязную руку принца.

Правитель вошел в дверь, бросив мимоходом грозный взгляд на Земляничку. Графини так и ахнули, увидев странного гостя, но, узнав, кто он такой, принялись наперебой расхваливать его заботу о подданных.

– О ваше высочество, вы промокли насквозь! Ни один принц на свете не вышел бы на улицу в такую ужасную погоду.

– Я хотел узнать, как живет мой народ, – ответил правитель и при этом ничуть не покраснел: ведь лимоны никогда не краснеют!

– Ваше высочество, каковы же ваши впечатления? – спросила графиня Старшая.

– Мой народ вполне счастлив и доволен, – заявил принц. – Нет народа счастливее, чем мой. Вот только сейчас мимо меня прошла очень веселая компания... Ей даже дождь нипочем.

Принц и не знал, что говорит сухую правду: в этот день его народ был и в самом деле счастлив, потому что избавился от своего правителя!

– Не угодно ли вашему высочеству потребовать лошадей, чтобы вернуться во дворец? – спросил синьор Помидор.

– Нет, нет, ни за что! – с тревогой ответил принц. – Я подожду здесь, пока не кончится эта страшная гроза...

– Я позволю себе почтительнейше заметить, – сказал несколько озадаченный синьор Помидор, – что гроза уже давно прошла и на дворе снова сияет солнце.

– Солнце? Сияет? – гневно переспросил принц. – Вы, кажется, осмеливаетесь противоречить мне!

– Я просто не понимаю вашей дерзости, синьор, – вмешался барон Апельсин. – Если его высочество находит, что на дворе гроза, значит, так оно и есть. Разве вы не слышите, как шумит дождь?

Все поспешили согласиться с бароном.

– Ах, эта гроза никогда не кончится! – сказала графиня Старшая, глядя в окно, за которым после недавнего дождя сверкали на чашечках цветов крупные капли.

– Ужасный ливень! Посмотрите, так и хлещет, – поддакнула графиня Младшая, следя за тем, как весело играет с золотымиры бками в бассейне солнечный луч, прокравшийся из-за облачка.

– Слышите, как оглушительно гремит гром? – вставил словечко и герцог Мандарин, затыкая уши и закрывая глаза в притворном ужасе.

– Земляничка, Земляничка, где ты? – позвала графиня Старшая слабым голосом. – Сейчас же прикрой все ставни! Все!

Земляничка прикрыла ставни, и в комнате стало темно, как в погребе. Вскоре зажгли свечи, и большие тени запрыгали по стенам.

Синьора графиня Старшая вздохнула:

– Ах, какая ужасная ночная гроза!

Принцу Лимону и в самом деле стало страшно.

– Жуткая ночь! – сказал он, стуча зубами.

Все остальные из вежливости тоже задрожали как в лихорадке. Синьор Помидор подошел крадучись к окну и, чуть-чуть приоткрыв ставню, рискнул доложить:

– Прошу прощения у вашего высочества, но мне кажется, что гроза кончается.

– Нет-нет, что вы! – закричал принц, заметив косой солнечный луч, который попытался было проникнуть в комнату.

Кавалер Помидор поспешил захлопнуть ставню и подтвердил, что дождь по-прежнему льет как из ведра.

– Ваше высочество, – робко предложил барон Апельсин, которому очень хотелось сесть поскорее за стол, – не хотите ли пообедать... то есть, виноват, поужинать?

Но его высочеству не угодно было ни обедать, ни ужинать.

– В такую погоду, – сказал он, – у меня не бывает аппетита.

Барон не мог понять, какое отношение имеет погода к аппетиту, но, поскольку все согласились с принцем, он тоже согласился:

– Я ведь только предложил, ваше высочество. Какая уж тут еда! У меня у самого от молнии и грома так сдавило горло, что я не смог бы проглотить и цыпленка!

На самом же деле он был до того голоден, что с удовольствием сгрыз бы пару стульев, если бы не боялся противоречить его высочеству. В конце концов принц, утомленный волнениями, пережитыми задень, крепко заснул, сидя на стуле. Его прикрыли одеялом и потихоньку отправились в столовую ужинать.

К этому времени и в самом деле стемнело. За ужином синьор Помидор ел очень мало, а потом попросил у графинь разрешения встать из-за стола, так как его клонит ко сну. На самом же деле синьор Помидор прокрался в сад и пошел в деревню. "Что такое случилось? – думал он, шагая по дороге. – Принц чем-то встревожен. Это очень подозрительно. Я не удивлюсь, если окажется, что произошла революция". От этого слова у него забегали по спине мурашки. Он отогнал тревожную мысль, но она возвращалась снова и снова. Грозное слово так и прыгало у него перед глазами, пугая его каждой своей буквой: Революция!!! Р–Рим, Е–Европа, В–Венеция и так далее... Революция...

Вдруг ему показалось, что кто-то идет за ним следом. Он притаился за изгородью и стал ждать. Через минуту издали показался синьор Горошек, который двигался так осторожно, словно шагал по сырым яйцам. Адвокату еще в столовой поведение кавалера Помидора показалось подозрительным. Увидев, что кавалер выходит из комнаты, синьор Горошек поспешил отправиться за ним. "Здесь что-нибудь да кроется, – думал он. – Не будем терять кавалера из виду!"

Синьор Помидор собирался уже выйти из своего убежища, как вдруг в отдалении мелькнула другая тень. Кавалер еще ниже пригнулся за изгородью, чтобы дать и этому пройти. Человек, который шел за синьором Горошком, был синьор Петрушка. Он заметил, как ускользнул из столовой адвокат, и решил последить за ним. Своим непомерно большим и чутким носом воспитатель Вишенки почуял, что случилось что-то серьезное, и не хотел оставаться в неизвестности. Однако синьор Петрушка и не подозревал, что за ним тоже следят. По его пятам крался герцог Мандарин.

– Я нисколько не удивлюсь, если сейчас появится и барон Апельсин, – пробормотал синьор Помидор и затаил дыхание, чтобы не выдать себя.

Действительно, вскоре затарахтела тачка и показался барон. Увидев, что герцог куда-то ушел, барон предположил, что его знатный родич отправился на какой-нибудь званный ужин, и, конечно, решил составить ему компанию. Бедняга тряпичник тяжело отдувался, толкая тачку и не замечая в темноте ни ухабов, ни камней на дороге. Скрипучая тачка, на которой покоилось брюхо барона, то взлетала вверх, то падала в пропасть. При каждом таком взлете и падении у барона захватывало дух, но он только стискивал зубы, чтобы не выдать себя нечаянным криком или стоном. Барон оказался в этой странной процессии последним.

"Любопытно узнать, куда это они все направляются", – подумал синьор Помидор и вышел из-за изгороди. Так они и ходили всю ночь друг за другом: синьор Горошек тщетно вглядывался в темноту, пытаясь найти синьора Помидора, который на самом деле шел позади всех; синьор Петрушка неотступно крался за адвокатом; герцог следовал за синьором Петрушкой; барон не терял из виду герцога, а Помидор двигался по следам барона. Каждый внимательно следил за движениями переднего, не подозревая, что за ним самим шпионят. Несколько раз Горошек и Петрушка менялись местами: то синьор Петрушка при помощи ловкого обходного маневра оказывался впереди синьора Горошка, то Горошек обгонял Петрушку. Так, наблюдая друг за другом, они кружили всю ночь и, разумеется, ничего не узнали, а только выбились из сил.

Под утро все эти господа решили вернуться в замок. Встретившись в аллее парка, они вежливо раскланялись и осведомились о здоровье друг друга. О своих ночных похождениях они сочли нужным умолчать и наврали один другому с три короба.

– Где это вы были? – спросил у синьора Горошка синьор Помидор.

– Я был на крестинах у моего брата.

– Вот удивительно! Разве крестины бывают ночью?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Днем у брата дела поважнее! – отвечал адвокат.

Кавалер Помидор усмехнулся: дело в том, что у синьора Горошка никаких братьев никогда не было. Петрушка сказал, что ходил на почту отправлять письмо своим давно уже не существующим родителям. Герцог и барок, не сговорившись, объяснили, что ходили удить рыбу, хоть ни у того, ни у другого не было при себе удочки.

– Как же это мы не встретились на берегу? – спросил барон.

– Странно! – сказал герцог.

Все так устали, что шли с закрытыми глазами, и поэтому только один из них разглядел, что на башне замка развевается знамя Свободы. Его вывесили ночью Вишенка и Чиполлино. Оба они сидели теперь наверху, на башне, и ждали, что будет дальше.

ЭПИЛОГ,

в котором Помидор плачет второй раз

Тот, кто первым увидел на башне знамя Свободы, подумал было, что это новая проделка Вишенки. Он пришел в ярость и решил немедленно сорвать это страшное знамя, а затем хорошенько отшлепать юного графа, который на этот раз "перешел все границы". И вот этот синьор, задыхаясь от гнева, бежит вверх по лестнице, перескакивая через четыре ступеньки. Он пыхтит, еле переводит дух и с каждым шагом все больше краснеет и раздувается от злости. Я опасаясь, что, добравшись доверху, он уже не сможет пролезть в дверцу, которая ведет на площадку. Я слышу топот его шагов, которые раздаются в тишине, словно удары молота. Скоро он будет уже на самом верху. Пролезет или не пролезет? Как вы думаете? Вот он и добрался до площадки...

Ну, кто из вас угадал? Ладно, я скажу вам: угадали те из вас, кто думал, что ему не пролезть. И в самом деле, кавалер Помидор (ведь это он бежал по лестнице, – разве вы не узнали его?) так разбух от злости, что дверца оказалась вдвое уже его туловища. И вот он стоит там, наверху, в двух шагах от страшного знамени, которое развевается по ветру, но не может сорвать его, не может даже дотянуться до него рукой. А у древка знамени, рядом с Вишенкой, который в это время торопливо протирает очки, находится еще кто-то... Да кто же это, если не Чиполлино, заклятый, ненавистный враг кавалера, тот самый Чиполлино, который однажды уже заставил его, синьора Помидора, плакать!

– Добрый день, синьор кавалер! – говорит Чиполлино, вежливо кланаясь.

Осторожней, Чиполлино! Из-за этой неуместной вежливости ты подвергаешь свою голову опасности. В ту минуту, когда ты кланяешься кавалеру Помидору, ему довольно протянуть руку, чтобы схватить тебя за волосы, как это уже случилось когда-то в деревне... Синьор Помидор так взбешен, что не помнит, чем это ему грозит. Вот он ухватил Чиполлино за вихор и дернул с такой силой, что прядь луковых волос снова осталась у него в руке. Он и опомниться не успел, как у него зашипало в глазах, и слезы, крупные, как орехи, градом посыпались из глаз, падая со шелканьем на каменный пол.

Но на этот раз Помидор плакал не только оттого, что вырвал пучок луковых волос у Чиполлино. Он ревел от бешенства, потому что почувствовал все свое бессилие... "Что же это – конец? Конец?" – думал он, задыхаясь от ярости и давясь собственными слезами. Я бы с удовольствием позволил ему захлебнуться слезами или кубарем скатиться с лестницы от первого толчка, но Чиполлино был так великодушен, что пощадил его, и перепуганный насмерть синьор Помидор сам удрал с башни. Он бежал вниз по лестнице, перескакивая не через четыре, а через шесть ступенек, и, добравшись донизу, юркнул в свою комнату, где ему никто не мешает поплакать вволю. А что было дальше, ребята! Ах, что тут было!.. Принц наконец проснулся, побродил по комнатам замка и вышел за дверь, чтобы подышать свежим воздухом. И вдруг он тоже увидел знамя на башне. Закрыв глаза от ужаса, он бросился бежать со всех ног, повернул направо, налево, выбежал за ворота и снова забрался в свое надежное убежище – рыхлую навозную кучу, надеясь, что его там не найдут. Проснулся и барон Апельсин. Он тоже захотел подышать свежим воздухом и растолкал своего слугу, дремавшего у тачки, на которой покоилось брюхо барона. Спросонок, не открывая глаз, фасоль выкатил тяжелую тачку за порог. На дворе замка его разбудил ослепительный луч солнца. Но дело было не только в этом ослепительном солнечном луче. Фасоль поднял глаза и увидел знамя, развевавшееся над замком.словно электрический ток пробежал по его пальцам...

– Держи тачку! Держи! – закричал перепуганный барон Апельсин.

Но куда там! Фасоль разжал пальцы, выпустил ручки своей старой тележки, и барон, опрокинувшись на спину, покатился вниз по аллее так же стремительно, как в тот раз, когда он свалил с ног десятка два генералов. В конце концов он плюхнулся в бассейн с золотыми рыбками и погрузился в воду по шею. Немалого труда стоило выудить его оттуда. Услышав со двора неистовые вопли барона, герцог Мандарин бросился к бассейну, вскочил на мраморного ангелочка, изо рта которого бил фонтан, и закричал не своим голосом:

– Эй, вы, сейчас же уберите знамя с башни – или я утоплюсь!

– Посмотрим! – сказал Фасоль и толкнул его в воду.

Когда герцога вытащили наконец из бассейна, у него во рту оказалась золотая рыбка. Бедная рыбка, – она думала, что забралась в подводный грот, а попала в голодный рот... Мир ее золотым плавничкам!

С этого дня события понеслись с неслыханной быстротой – одно событие за другим. Поспешим и мы: дни летят, как листочки отрывного календаря, пробегают недели, а мы едва успеваем что-нибудь разглядеть. Так иногда бывает в кино: механик пустит картину слишком быстро: дома, люди, машины, лошади так и замелькают перед вашими глазами, а когда лента наконец успокоится и пойдет с обычной скоростью, то, оказывается, многое уже позади и все на экране изменилось...

Принц и графини покинули свои прежние владения. Что касается принца, то это вполне понятно, но почему уехали графини? Ведь никто не собирался обижать старых женщин, лишать их куска хлеба или брать с них плату за воздух. Но в конце концов раз они сами убрались, то тем лучше. Скатертью дорога!

Барон стал худым, как тот хлыстик, которым он погонял прежде своего слугу. На первых порах ему пришлось порядком поголодать. Он не трогался с места, так как некому было возить его ьтачку. Поэтому ему пришлось питаться собственными запасами жира. Барон таял с каждым днем, как воск. В две недели он потерял половину своего веса, а эта половина была втрое больше веса обычного человека. Когда барон оказался в состоянии передвигаться сам, без помощи слуги, то начал просить милостыню на улицах. Но прохожие ничего не подавали ему.

– Эх, ты! – говорили они. – Такой здоровенный малый, а попрошайничаешь. Шел бы работать!

– Да я же ничего не умею делать!

– Иди на вокзал чемоданы таскать.

Так барон и сделал, и от переноски тяжестей стал стройным, как спица. Из одного своего старого костюма он сделал себе полдюжины новых. Однако одну пару ой все же оставил в сохранности. Если вы навестите его, он по секрету покажет вам этот костюм.

– Посмотрите, – скажет он, вздыхая, – еще недавно я был такой толстый!

– Не может быть! – удивитесь вы.

– Что, не верится? А? – горько усмехнется барон. – Так спросите у людей, они вам скажут! Ах, какие были замечательные времена!.. В один день я сьедал столько, сколько теперь мне хватает на три месяца. Полюбуйтесь, какой у меня был живот, какая грудь, какой зад!

А герцог? Он и пальцем не шевелит для того, чтобы добыть себе кусок хлеба, а живет на счет барона. Каждый раз, когда родственник отказывает ему в чем-нибудь, герцог взбирается на фонарь и просит сообщить графиням, что он покончил с собой. И барон, который еще сохранил немного доброты в сердце с той поры, когда был толстяком, вздыхая, делит с ним обед или ужин.

А вот кум Тыква больше не вздыхает: он стал главным садовником замка, и бывший кавалер Помидор работает у него подручным. Вам не нравится, что синьора Помидора оставили на свободе? Он отсидел, сколько ему было положено, а потом его из тюрьмы выпустили. Теперь Помидор сажает капусту и подстригает траву. Изредка он жалуется потихоньку на свою судьбу, но только тогда, когда встречается с Петрушкой, который служит в замке сторожем.

Замок уже больше не замок, а Дворец детей. Там есть и комната для рисования, и театр кукол с Буратино, и кино, и пинг-понг, и множество всяких игр, Разумеется, там есть и самая лучшая, самая интересная и полезная для ребят игра – школа. Чиполлино и Вишенка сидят рядом на одной парте и учат арифметику, грамматику, географию, историю и все остальные предметы, которые надо хорошенько знать, чтобы защищаться от всяких плутов и угнетателей и держать их подальше от родной страны.

– Не забывай, дружок, – часто говорит старый Чиполлоне своему сыну Чиполлино, – негодяев на свете много, и те, кого мы выгнали, могут еще вернуться.

Но я-то уверен, что они никогда больше не вернутся. Не вернется и адвокат синьор Горошек, который поспешил скрыться, потому что у него было слишком много грехов на совести. Говорят, он занимается своим ремеслом где-то в чужой стране. Конечно, и там ему не место, но хорошо, по крайней мере, что он убрался из нашей повести прежде чем она кончилась. По правде сказать, мне до смерти надоело возиться с этим цепким и вертлявым пройдохой.

Да, я забыл вам сказать, что старостой деревни стал мастер Виноградинка. Чтобы не ронять своего достоинства, он совершенно избавился от прежней привычки почесывать затылок шилом. Только иногда, в самых серьезных случаях жизни, он пускает в ход вместо шила остро отточенный карандаш, но это случается чрезвычайно редко. Однажды утром жители деревни увидели на стенах своих домов надпись: "Да

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

здравствует наш староста!" Кума Тыквочка пустила по деревне слух, будто бы эти крупные буквы на стенах вывел ваксой сам мастер Виноградинка.

– Хорош староста! – говорила ворчливая кума. – Ходит по ночам и сам себе приветствия пишет.

Но это была явная напраслина. Все надписи на домах сделал Лук Порей, и не руками, а усами, которые он обмакнул в чернила. Да, да, Лук Порей. Я не боюсь открыть вам правду, потому что у вас усов нет и вы не станете по его примеру писать усами. Ну вот, теперь наша история и в самом деле кончилась. Правда, есть еще на свете другие замки и другие дармоеды, кроме принца Лимона и синьора Помидора, но и этих господ когда-нибудь выгонят, и в их парках будут играть дети. Да будет так!